

В. А. Вершина, А. В. Михайлюк

ПАТЕТИКА И ИРОНИЯ

*Кто знает то состояние, о котором говорит одинокий
Гейне: «Я не могу понять, где оканчивается ирония и
начинается небо!» Ведь это – крик о спасении.*

Блок А. Ирония

Исследователями культуры и философии многократно утверждалось, что современная культурная ситуация, именуемая постмодерном, есть результат бесконечной игры иронии, приведшей к отрицанию абсолютных основ бытия мира и человека [См.: 1; 7; 8; 11; 12], а потому, надо полагать, не дающей повода к патетике как своеобразному отношению к священному. **Но на самом деле проблема соотношения иронии и патетики остается по-настоящему не исследованной**, что делает **весьма актуальной** настоящую статью, посвященную попытке анализа взаимоотношений патетики и иронии. Авторы видят своей **целью и задачей** анализ различных форм отношений, вплоть до взаимодействия и взаимозаменяемости, патетики и иронии, на первый взгляд, являющихся противоположностями,

Любое противопоставление осуществляется по каким-то признакам, объединяющимся по своим семантическим характеристикам, то есть признакам, существующим в общем для них семантическом пространстве. Противопоставляемые понятия непременно должны иметь что-то общее, принадлежать к одному семантическому полю (в противном случае противопоставление невозможно). Таким образом, противопоставление по тому или иному признаку фактически означает включение в данное пространство, в данное семантическое поле [см. 9, с. 405].

В основе понятия «пафос» и производного от него понятия «патетика» – связь с абсолютными ценностями. Патетике присуща претензия на постижение абсолюта и иллюзия причастности абсолюту, что и вызывает воодушевление, приподнятость, взволнованность, страстность. Патетика сугубо серьезна. Вместе с тем, патетика выступает как риторический прием, в ней изначально присутствует элемент игры, имитации. Патетика возникает тогда, когда абсолюта вызывает сомнение, свидетельствует скорее об утрате сакральности, потому-то на последней так патетически настаивают. Она требует подтверждения абсолюта, хотя бы его кажимости. Это – своего рода заклинание, посредством которого пытаются убедить других, как иногда и себя, в реальности чего-либо такого, что вызывает сомнение. Истинная сакральность не нуждается в патетике. Патетика – это подмена сакральности, ложная сакральность, вызывающая сомнение даже в глубине души тех, кто в ней упорствует. Иногда она может использоваться как прикрытие для того, чтобы скрыть истинный замысел. Таковы, например, патетика «национальной идеи», «общечеловеческих ценностей», «цивилизованного рынка» и т.п. реалии современной политики или же патетика «защиты прав человека», исходящая от администрации США. Патетике уже давно мало кто верит, скорее она вызывает насмешку. Здесь причина смеха – неподлинность, несообразность с пафосом отстаиваемого тезиса. Патетика вызывает подозрение и просто напрашивается на провокацию, в качестве которой и выступает ирония. Но патетика становится все более изощренной, а люди по-прежнему хотят быть обманутыми, **хотят** приспособиться в гораздо большей степени, чем они **вынуждены** приспособливаться [11, с. 11].

Ирония выступает в качестве скрытой насмешки, причем в иронии преобладает отрицательное, насмешливое отношение к предмету осмеяния. В этом качестве ирония подвергает сомнению претензии на абсолютную значимость, лишает их того пафоса, на который они претендуют, тем самым, раскрепощая и освобождая сознание человека для «новых возможностей». Так, «сократовская ирония» направлена на опровержение мнимого и ложного знания и установление «самой истины». На разоблачение ложной патетики

направлена ирония Эразма Роттердамского, Бальтасара Грасиана, Дж. Свифта. Зачастую ирония является чуть ли не единственным способом высказать собственную точку зрения. Ирония семантически амбивалентна – с одной стороны, она является высмеиванием, профанацией, основанной на сомнении. С другой стороны, она может выражать сожаление («горькая ирония», «ирония мыслителя над трагедией жизни»). Она построена на парадоксе. «... И по острию ножа идет путь парадоксов – единственно достойный бесстрашного ума путь...» [5, с.385]. Механизмом существования иронии является игра. Ирония выступает как «метаязыковая игра, высказывание в квадрате» [12, с.102]. Прежде всего, это игра со смыслами. Ирония построена на основании расхождения замысла и объективного смысла: «Хотели как лучше, а получилось как всегда» («ирония истории»). Р.Рорти считает противоположностью иронии здравый смысл [8, с.104]. Но «здравый смысл» не может быть точкой отсчета, основанием для анализа иронии (как и, вообще, чего-либо), он не может рассматриваться как нечто само собой разумеющееся, а, скорее, сам должен стать предметом анализа. «Здравый смысл» задается общим культурным контекстом. На наш взгляд, он не противостоит иронии, скорее наоборот, ирония может на нем основываться. «Здравый смысл» порождает иронию по отношению ко всему новому, непривычному, чужому.

Для иронии характерна конгруэнтность серьезности и насмешки. Ирония изначально и нацелена на нечто серьезное, смех и веселье являются не самоцелью, а лишь внешней формой. «В иронии, – говорит Ф.Шлегель, – все должно быть шуткой и все должно быть всерьез, все простодушно откровенным и все глубоко притворным» [цит. по: 6, с.220]. Ирония – вещь весьма тонкая, и тут легко перейти ту грань, когда в ней начинает доминировать серьезность, и тогда ирония приобретает пафос, переходит в патетику. «Романтическая ирония» порождает патетику романтизма. Уже в рамках романтизма ирония была понята как «форма указания на бесконечность». Только тот может быть ироничен, по Ф.Шлегелю, в ком «возросло и созрело мироздание». Такая «ирония» сама может стать объектом иронии. «Мы относимся к романтизму со смешанным чувством иронии и уважения [3, с.353]. Прием романтической иронии вышел далеко за границы литературы. В европейской культуре сформировалась традиция иронии как жанра и как универсального принципа мышления и творчества, философии и бытия. Х.Ортега-и-Гасет отмечает утрату современным искусством всяческой патетики. Новое искусство высмеивает самое искусство [7, с.257]. В XX в. ирония и самоирония все чаще начинают рассматриваться как способ и средство самосохранения культуры. Ирония становится своего рода знаменем времени. В ситуации постмодерна тема смеха, иронии приобретает особое звучание. Только вот смех становится все более натужным, неискренним. Это уже не ирония, а, как обронил выражение У.Эко, «игра в иронию» [12, с.102]. Постмодернистская ирония порождает «пафос иронии». Постмодернистский дискурс провозгласил себя разрушителем всех утопий. Ситуация постмодерна озаменована массой «смертей» – Бога, человека, субъекта, метафизики, истории и т.д. – уж не патетика ли?

«Романтическая ирония» покоится на признании всевластия субъекта. Если предполагается, что все существует только благодаря «Я» и что все существующее мое «Я» может снова уничтожить, то ничто не ценно само по себе, а имеет значение лишь как порождение моего «Я». Вследствие этого все существующее выступает как простая видимость, к чему не стоит серьезно относиться [6, с.220]. По словам Гегеля, «романтическая ирония» оборачивается «концентрацией «Я» в себе, для которой распались все узы и которая может жить лишь в блаженном наслаждении собой» [4, с.72]. А. Блок назвал иронию болезнью личности, болезнью «индивидуализма» [2]. Ирония – это то, что люди меньше всего понимают. Ее часто по простодушию и наивности воспринимают за чистую монету. Она способна вызвать негодование. Она является сознательной провокацией, демонстрацией превосходства (возможно, мнимого), разрушает

взаимопонимание, настраивает в процессе диалога собеседников друг против друга. «Есть нечто верное в подозрении, – пишет Р. Рорти, – которое вызовет иронизм. Иронизм возникает в результате осознания силы переописания. Но большинство людей не желает быть переописанными. Они хотят, чтобы их принимали так, какие они есть и как они говорят. Ироник им говорит, что язык, на котором они разговаривают, доступен всякому встречному и поперечному. Есть что-то потенциально жестокое в этом утверждении. Ибо лучший способ причинить людям долго не проходящую боль – унижить их, представив все то, что кажется им самым важным как пустое, ветхое и бессильное. ... Переописывающий ироник, угрожая нашему конечному словарю, тем самым нашей способности осмысливать себя в наших собственных терминах, внушает, что наша самость и наш мир пусты, ветхи и бессильны. Новое описание зачастую унижает» [8, с.с.123-124].

Пафос бывает ложным, ирония неуместной. Но ирония чаще всего бывает неуместной именно тогда, когда неуместна и патетика. Трудно назвать что-либо такое, что не могло бы вызвать иронию, над чем при желании и удобном случае нельзя было бы иронизировать. Отрицая всякий абсолют, указывая на относительность всего и вся, ирония граничит с кощунством. Ирония является воплощением релятивизма. С. Л. Франк приводит против релятивизма остроумное, на наш взгляд, возражение, которое сводится к обнаружению противоречия между содержанием релятивизма и формальным смыслом его как определенного утверждения. Если все на свете, без исключения, относительно, то относительно и это утверждение относительности и, следовательно, «абсолютизм» вовсе не побежден «релятивизмом». «Относительное» имеет свой смысл только в связи с «абсолютным», и вне этой связи теряет свой смысл [10, с. 36].

Стараясь парировать подозрения в релятивизме, иррационализме и имморализме, Р. Рорти пытается доказать, «что различия между абсолютизмом и релятивизмом, между рациональностью и иррациональностью, между моралью и целесообразностью являются изношенными и грубыми инструментами – пережитками словаря, который нам нужно попробовать заменить» [8, с. 71]. «Слова, слова, слова...» Но, кроме «слов», существуют, все же, и «вещи», хотя они, может быть, и «разошлись между собой». Постмодернистская ирония способна вызвать ответную иронию – хотя бы даже со стороны пресловутого «здорового смысла».

Казалось бы, патетика и ирония – антиподы. Но как это ни парадоксально звучит, представляется, что патетика и ирония ближе друг другу, чем это кажется с первого взгляда. И патетика, и ирония, пытаясь воздействовать на разум, обращаются не к разуму, а к эмоциям. Их объединяет сомнение, игровой момент и лицемерие, неподлинность, притворство, поза, маска, прикрытие. И то и другое является орудием слабости. Сила не нуждается в притворстве. Но в то же время, ирония привлекательна, свидетельствует (или создает видимость) о способности стать над проблемой, хотя, чаще всего, является способом уйти от проблемы. По словам Г. Белля, «ирония уже не дает алиби». «И все же юмора, сатиры, остроумия, иронии - вспомним, что ирония означает «притворство» – мало» [1, с.с. 336-337]. Как пишет А. Блок: «С теми, кто болен иронией, любят посмеяться. Но им не верят или перестают верить» [2, с. 103]. Особенно если ирония перерастает в патетику и без всякой самоиронии провозглашается единственно возможной системой мировосприятия.

Ирония – ипостась смеха, но особая, так сказать, наиболее культурно опосредованная. Она требует определенной интеллектуальной подготовки, знания и понимания смыслов данной культуры. Любая культура требует определенной степени притворства. Ирония по-гречески и означает притворство. Ирония и патетика между собой взаимосвязаны, как связаны между собой сакральное и смешное, но эта связь несколько иная, поскольку здесь нет ни подлинной сакральности, ни настоящего смеха. Они как бы взаимообуславливают друг друга, являются полюсами дуальной оппозиции и по закону амбивалентности могут переходить друг в друга, меняться местами. Одно порождает

другое, одно переходит в другое. Патетика вызывает иронию, но и ирония порождает патетику. Ирония – отрицание пафоса, но она способна приобрести пафос, хотя бы «пафос отрицания». Патетика направлена на создание и поддержание иллюзии, ирония – на ее разоблачение. Но ирония сама построена на иллюзии. Иллюзорность – это то, что их объединяет. Их сближает игровой момент, а также еще один момент – момент снобизма. Если смех естественен, больше связан с природой, чем с культурой, в смехе присутствует момент «бунта против культуры», то ирония, наоборот, в большей степени, если не исключительно, – продукт культуры. Антиподом как патетике, так и иронии здесь выступает наивность, простодушие, искренность – т.е. естественность. Ирония может быть разной. Убийственная, мертвящая, холодная, убивающая природу и естественность – такая ирония возникает тогда, когда человек утрачивает способность искренне смеяться. А общество «либеральных ироников», которое выводит Р. Рорти в своей «либеральной утопии» [8], представляется просто ужасным: «без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви». Возможно, в таком обществе страдание и будет «сведено к минимуму», но здесь вряд-ли найдется место для радости и смеха. «Я не люблю иронии твоей. Оставь ее отжившим и не жившим ...» (Н.А. Некрасов).

Таким образом, **можно прийти к заключению**, что кажущиеся противоположностями патетика и ирония рождаются из общего иллюзорно-игрового источника и могут переходить одна в другую. Понимание этого даст возможность человеку адекватно реагировать как на надрынную патетику, так и на отрицающую ее скептическую иронию.

1. Белль Г. Франкфуртские чтения //Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М., 1991.
2. Блок А. Ирония // Блок А. Собр. соч.: в 6-ти т. – Л., 1982. – Т. 4.
3. Блок А. О романтизме // Блок А. Собр. соч.: в 6-ти т. – Л., 1982. – Т. 4.
4. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В 4-х т. – М., 1968. – Т. 1.
5. Замятин Е. МЫ // Замятин Е. Избранное. – М., 1989.
6. Овсянников М.Ф. История эстетической мысли: Учеб. пособие. - 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1984.
7. Ортега-и-Гасет Х. Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М., 1991.
8. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. – М., 1996.
9. Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. – СПб., 2002.
10. Франк С. Л. Кризис Западной культуры // Освальд Шпенглер и Закат Европы. – М., 1922.
11. Фромм Э. Искусство любить // Фромм Э. Душа человека. – М., 1992.
12. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература. – 1988. – № 10.